

Марина Ирсева

Ирида вам
поможет!

Марина Ирсева

Ирида вам поможет!

<https://litres.ru/74213072>

Аннотация

Ираида Кондратьевна прожила долгую жизнь и даже не могла себе представить, что покинув своих детей, внуков и правнуков, окажется в теле совсем ещё девчонки с целым ворохом проблем. И живет теперь она на иждивении чужой для неё семьи под бдительным присмотром мачехи, что превратила девчонку в слугу! А отец уже и не рад первой дочери, находясь в плену зеленого змия. Сможет ли она, бабушка со стажем, видевшая многое на своем веку, выжить в чуждом мире с чужими правилами? Или сможет прогнать обстоятельства под себя, став свободной и счастливой? Нас ждет история с юмором, необычным фамильяром и элементами бытового фэнтези. Обложка к книге от замечательного автора - Марии Розановой.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	28
Глава 3	46
Глава 4	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Пролог

- Бабушка, а бабушка? – Подскочил ко мне младший правнук, Семён. – А наконец-то – это когда?

- Всё зависит от того, какие слова стоят рядом с этим словом. – Сказала я усталым голосом. Вероника забрала детей у младшего внука, Егора, пока его жена лежит в роддоме с третьим правнуком, и скинула их на меня, умотав на маникюр. – Если ты чего-то очень ждешь, то наконец-то будет очень важным событием, когда его очень долго ждали и вот оно наступило. Например, ты ждешь, когда бабушка, посадит тебя пить чай с малиновым вареньем, и вот она садит. Это наконец-то?

- Да! – Радостно завопил Сёмка, крикнув сестру. – Лидка, иди чай пить!

Я не спеша поднялась и подошла к столу, начав разливать чай по чашкам. Посуда опять немытой осталась с завтрака... Да, убрать в этой квартире совсем некому. Налив свой любимый, ароматный, с бергамотом, разбавила его молоком. Так намного вкуснее получается. Да и детям полезно молоко, благо, соседка привозит через день по паре литров. Как раз успеваем выпить. И если не успеваем – я булочки пеку и блины.

- Бабушка Ника сказала, что, когда ты наконец-то умрешь, я смогу жить в твоей комнате! – Простодушно выпалил пра-

внук, больно ударив мне по сердцу так, что чашка выпала из рук и разбилась.

Четыре года – что с него возьмешь? Не понимает еще, как ранил сейчас словами. Чужими словами, взрослыми. Словами близких и родных людей, что пару лет назад уговаривали меня разрешить им жить в моей трехкомнатной квартире, чтобы отдать свою для проживания Егора с женой и детьми.

- Сиди на месте, я сейчас уберу. – Прокряхтела я, нагнувшись за осколками. – Лида, не заходи на кухню, здесь стекло!

Правнучка, судя по тишине, и не собиралась никуда заходить. Скорее всего, опять сидит в наушниках, пялится в экран телефона. Она с ним и день и ночь не расстается. И младшему сует в руки, лишь бы отстал от неё и не мешал.

В голове что-то резко потемнело. Вокруг словно мушки летать начали. А в груди словно тесновато стало. Нельзя мне было так резко наклоняться! Выпрямилась, и мелкими шажочками пошаркала до туалета за веником и совком. Хорошо хоть Семка послушно сидел, и не порезался, а то долго бы потом выслушивала от невестки и внука, что доверить мне ничего нельзя и старая я стала, глупею на глазах и забываю многое.

Я попыталась вздохнуть, как обычно, но вдох дался мне тяжело, грудь кольнуло. Снова склонилась, только уже медленнее, собирая мелкие осколки в совок. Пришлось делать второй заход, чтобы принести швабру с тряпкой и протереть пол. Лида так и не пришла. Напоила правнука чаем, загля-

нула в комнату к младшей внучке, что жила с нами, но сейчас была в школе. Правнучка валялась на её кровати, измяв аккуратно заправленное покрывало, и жевала жвачку, пялясь на экран телефона. Из ушей торчали белые кончики беспроводных наушников. Подняв на меня недовольный взгляд, она всё-таки изволила освободить одно ухо, чтобы меня услышать.

- Мы с Семёном чай уже попили, если хочешь, иди тоже пей.

- А чо не позвали? – Нагло посмотрела на меня Лида. Шесть лет, а сразу видно, что в невестку уродилась. Такая же нахалка. – Чай-то хоть налит?

- Налит. Как попьешь – убери варенье и печенье со стола. – Предупредила я её.

Поздновато девку воспитывать, но исправить хоть что-то еще можно было. Отобрать бы эту дьявольскую коробушку, что мозги ей пудрит, да по дому помогать поставить. Глядишь и выросла бы не «наглючкой», живущей на всём готовом. Я в шесть уже и с братом водиться успевала, и к первому классу готова была – и читать и писать, и считать, лишь бы скорее в школу взяли.

Хлопнула входная дверь – в коридоре появилась моя любимейшая невестушка. Та самая, что скинула на меня внуков и так жаждала моей скорейшей кончины. А вот не дождешься!

Я фыркнула, закрыв за собой дверь комнаты. На этом мои

полномочия по воспитанию детей закончены. Теперь, как бы не рвался ко мне Сёмка, она не пустит его и будет отвлекать всячески показывая, что моё воспитание нынче не котируется.

Прилегла на кровать и не смогла расслабиться. Грудь давило, а мушки начали летать еще активнее. Дотянулась до телефона и позвонила своему другу.

- Лёня, ты мне очень нужен.

Ему хватило этих слов, чтобы примчаться уже через час, который тянулся, как резина. Вероничка недолюбливала Леонида из-за его профессии – он был нотариусом. Тем самым человеком, что будет объявлять мою последнюю волю после смерти. Как ни бились сын и невестка, а своё право не говорить им о распоряжениях, я отстояла полностью, не без помощи Лёни, конечно.

- Привет, моя дорогая. – Лёня улыбался, открыв дверь в комнату, но вдруг улыбка с его лица начала сползать. – Тебе нездоровится? Давай вызовем скорую?

- Вызови, будь другом. – В груди давило всё сильнее, словно шарик внутри надулся.

Лёня был моим другом с самого детства. Лёгкий в общении, задорный, весёлый, он до сих пор не растерял своего обаяния, кружа голову уже не девушкам, а молодящимся бабушкам. И стоило ему только открыть рот, рассказывая смешной случай из практики, как пропадали его глубокие залысины, пигментные пятна и морщины, оставляя перед

глазами вихрастого, рыжеватого, веснушчатого мальчишку, что воровал для меня яблоки в саду у соседа. Лёня сейчас внимательно смотрел на меня тёмно-синими глазами, в которые сложно было не влюбиться.

Вероничка засуетилась, только услышав про скорый приезд врачей. Запричитала, заохала, пытаюсь выпроводить друга за дверь, но тут уж я не дала. Чувствовала, что-то не так со мной. Это не обычная слабость.

- Лёнечка, будь другом, включи музыку и присядь ближе. – Попросила я его. Продолжила, когда дверь в комнату плотно закрылась, а музыка на фоне мешала подслушивать. – Я сегодня услышала от Сёмки, как сильно ждут от меня освобождения квартиры. Ты был прав, а я слепа и доверчива. Дура в общем.

- Ты выбираешь второй вариант? – Друг понял меня правильно.

- Да. И пригляди за ней, пожалуйста. Не дай её в обиду. – Я поманила его рукой, и прошептала, когда он наклонился ниже. – Эту квартиру продай как можно скорее, а ей купи в другом районе города, ближе к основной работе, и заплати за учёбу, чтоб не надрывалась так. Первый вариант завешания уничтожь. Не стоят они того...

- Проходите, вот сюда.

Двери раскрылись, и невестка впустила пару в синей униформе – нынче скорая помощь не разъезжает в белых халатах, но оно и к лучшему – отстирай попробуй её потом. Па-

раллельно, она выпроваживала Лёню за дверь, обещая сообщить, как только мне станет лучше.

Опросив меня, старший бригады скорой помощи сказал несколько слов молодому на своем профессиональном сленге, и помощник начал рыться в ящичке с лекарствами.

Переносной кардиограф выдавал ленту, а у меня всё сильнее мутнело в глазах, я дышала мелкими порциями, чувствуя, как с каждым вдохом всё более и более двигать лёгкими.

- Сплошные кошки, Коль! Амбушку давай, и подкалывайся, чего ждешь? – Заругался старший. А младший взглянул на него бледным лицом с рассеянным выражением.

- Амбушка внизу. И ампула с последнего вызова осталась только одна. – Голос молодого доносился до меня уже сквозь вату. Хлопнула дверь, скрыв чьи-то удаляющиеся торопливые шаги.

Мою руку обхватили чужие пальцы, холодные, цепкие. Но я уже видела впереди тоннель, по которому мне предстояло идти в новую жизнь. А оставаться в этой уже не имело смысла. Всё, что нужно было, я сделала.

Пару раз меня тянуло назад, но я с упрямством носорога тянулась к свету, торопилась увидеть, что же ждет меня там, впереди. Лишь опасения за наследницу заставляли сомневаться и терять решимость. Всё-таки выскользнув из цепких лап, оглянулась назад, увидев кусочек будущего.

Как истерит невестка, обвиняя сына во всех грехах и моей

неблагодарности. Мои похороны, где присутствовал только сын, и то формально, без слёз в глазах и печали. Очерствел ты рядом с ней, сынок... Давно очерствел...

Мелькнула картинка и я залюбовалась Настенькой. Она была внучкой моей давно ушедшей младшей сестры. Только успела выпустить с института дочку и увидеть внучку, как покинула этот мир. И дочь её не прожила долго, серьезно заболела. Уж сколько внучка истратила на лекарства, набрала кредитов, но вылечить её так и не смогла. Не ныла, не жаловалась, и ни у кого помощи не просила. Вкалывала, как проклятая, недосыпая и откладывая каждую копейку, в итоге лишившись и матери, и собственного угла.

Не могла я пройти мимо её беды, звала к себе жить, но девчонка ни в какую не хотела вешать свои проблемы на мои плечи. Забегала иногда в гости, не забывала поздравлять с днем рождения, но упорно старалась учиться и работала, чтобы платить за еду, учебу и съем. Как белка в колесе. Без отдыха и шансов на личную жизнь и семью.

Вот с Лёней мы и порешали, что лучше уж будет дать свободно вздохнуть той, что света белого не видит и не ропщет на судьбу, проучив тех, кто вроде и родной и рядом, но с ожиданием освобождения квадратных метров в глазах ежедневно с тобой сидит за одним столом.

Настёна въезжала в уютную двушку в спальном районе. Мой друг не подвёл – купил то, что ей понадобится для создания семьи. Школы, садик, магазины – всё рядом и одно-

временно далеко от невестки. Завещание было составлено при свидетелях и с такой дотошностью, что даже суд бы не стал оспаривать. В принципе, он и не стал, отказав в исковых требованиях сыну. Надеюсь, когда-нибудь узнать, что всё у нас с Лёней получилось.

Свет померк резко. Исчезли картинки из прошлого мира, оставив после себя тьму, в которой мелким светляком далеко-далеко вдали мерцало что-то интересное. Меня тянуло туда со страшной силой, и я не стала сопротивляться, начиная чувствовать что-то по мере приближения к этой точке.

Дорогие читатели!

Приветствую вас в новой истории! Очень хотелось написать что-то уютное и с юмором, а попавшаяся вовремя на глаза обложка, сама по себе уже родила сюжет книги. Приятного вам чтения и прошу не забывать про звёзды и подписку. Так вы будете знать о выходе новых глав и историй, а я буду тешить своё самолюбие и активничать с написанием :) Ваши комментарии - это бальзам на душу любого писателя и топливо с большим КПД для его творчества.

Глава 1

Голова вспыхнула болью, стоило только открыть глаза. Я находилась на полу – лежала на боку, около стены. Напротив меня стояла женщина лет тридцати пяти – сорока, уперев руки в бока.

- Сейчас ты поднимешься и немедленно достигаешь всё, что я тебе вчера дала! – От её взгляда хотелось попятиться назад, только стена не позволяла. – И чтоб не смела с мелких глаз спускать! А к вечеру, чтобы ужин готов был к приходу отца!

Я лежала и не понимала, что хочет от меня эта женщина. Нет, я всё прекрасно слышала, несмотря на дикую головную боль, но совершенно не понимала, почему она на меня кричит и разговаривает со мной в повелительном тоне. Словно я провинившаяся прислуга.

Нахлынули воспоминания – я, с явным инфарктом, так как при инсульте меня бы парализовало, работники скорой, отнюдь не обеспокоенная, а, скорее, ожидающая моей смерти Вероника в дверях комнаты. Подсмотренные кадры жизни Настеньки и яркая точка, к которой меня тянуло.

Бабушка я вполне современная, и фильмы смотрю и «интернет» листаю, когда есть необходимость. Как говорит внучка Лида, я «залипаю» на интересные видео и рецепты.

Значит, моя душа попала в чужое тело. Хмм... Истерику

закатывать не нужно. Я подняла взгляд на женщину, кричащую на меня, и сделала вывод, что только получу проблем, если начну с ней пререкаться или, не дай бог, покажу своим поведением и речью своё иномирное происхождение. Судя по её словам – я девочка. А вот какой степени родства была та девочка, что подарила мне своё тело, и что тут делают с подселенцами – мне предстоит тихо выяснить. Инквизиция, помнится, погубила немало женщин, паразитируя на страхах, мстительности и невежестве людей.

Страх, непонимание и явная отрешенность от поставленных задач привели к тому, что моё тельце вздернули вверх и залепили пощечину. Голова мотнулась, вспыхнув новой болью, а я стала оседать назад, на пол.

- Даровала же Ласути жизнь такому бесполезному выродку! – Сплюнула женщина, подхватив меня под предплечья. – Сегодня останешься без еды, раз мне за тебя придется всё делать!

Она почти прокричала мне это в лицо, брызжа капельками слюны из смрадно пахнущего рта с явными признаками патологического кариеса. Проволокла на себе до каких-то тряпок на полу и, не церемонясь, свалила меня на них.

- Цанти, принеси ей воды в кружке. Сдохнет ещё, а хоронить не на что! – Крикнула она в дверной проем.

Я лежала безвольной тряпкой, не в силах подняться, но руками, ногами и головой, пусть слабо и неуверенно, двигать могла. Открытые глаза позволяли осмотреться. А, если дви-

гаться плавно, без резких движений, боль не простреливала голову и все тело. Что же с ней такое сотворила эта баба?

Трудно было как-то по-доброму к ней отнестись. Да и она не дала мне шанса на другое отношение.

Судя по окружавшей меня обстановке, я находилась в какой-то деревне. Ну или в секторе частных застроек революционных времен. Дом из бревен давненько уже покосился, а приложить мужскую руку в нём явно некому, несмотря на фразу о прибытии отца.

Кто он, этот мужчина? Отец этих детей, или ещё и этой девочки? Аналогично ли он груб с ней, как эта женщина?

В дверном проеме послышался быстрый топот детских ножек, и на входе в комнату появилась девчонка лет семи. Черты её лица очень напоминали единственную, с кем я успела познакомиться с момента моего пробуждения в этом теле. Такая же русоволосая, с голубыми глазами, только худющая и вся какая-то гиперактивная.

- Вот. – Она с глухим стуком поставила на пол, рядом с тряпьем, на котором я вынуждена была сейчас лежать, грязную глиняную кружку с отколотой ручкой. – Вода успела нагреться, но так даже лучше. Не заболеешь.

Руки её были такие же грязные. Подозреваю, что ими она посуду и запачкала. Немного постояв, и подумав, она догадалась поднести глиняную кружку к моему лицу. Пить хотелось неимоверно, и я решила, что это тело адаптировано к болезням в этом мире, и не умрет, если я аккуратно уто-

лю свою жажду. Голову поднимала, стараясь не всколыхнуть остатки мозга в черепной коробке. И мне это почти удалось, если бы шарнирная Цанти торопясь, не сунула кружку ближе, пребольно ударив стенкой о зубы. В голове резко зазвенело, а перед глазами стало мутно. Сделала xF5-L2fa несколько глотков и вернулась назад, в тряпье. Там мне было лучше.

- Бедненькая Ирида. – Погладила меня по волосам своей грязной рукой девчонка. – Если ты завтра посидишь с малым за меня, я не буду воровать лепешки, и ты снова не получишь от мамки.

Новость была не ахти. А, учитывая, что шантажировала меня сейчас мелкая пигалица, и вовсе удручающая. Если уж она меня не любит, не боится и даже вполне спокойно ставит условия, значит положение у меня не выше дворовой псины. Ну хоть теперь знаю, как меня будут звать, когда в очередной раз захотят поколотить.

Решила теперь в каждую историю добавлять карту мира. Надеюсь, в телефонах будут видны мои многочасовые старания :)

Я закрыла глаза и попыталась уснуть. Боль в голове утихла, если совсем не шевелиться, поэтому приняла в тряпье позу удобней, чтобы ноющие руки-ноги не затекли. Вдруг в голову этой женщине придут какие другие идеи, и она ринется снова меня пытаться тумаклами? Скорее, снимать стресс за счет издевательств надо мной.

Всё-таки получилось провалиться в сон. Липкий, неприятный и тревожный, где совсем ещё мелкую девчонку заставляют работать по дому без сна и отдыха. Где, пока не видит родной отец, девчонкой помыкают, как хотят, что новая жена отца, что её старшие дети.

Цанти – второй по старшинству ребенок этой женщины. Есть ещё на два года старше – Осбрук. Странное имя, да и поведение его не лучше. Пакостник, поджигатель, мелкий вор и мечтающий в будущем стать владельцем дома ночных утех для мужчин, мальчишка. Ириде он уже пообещал, что она станет его первым лотом для продажи, если его мать не найдет для неё жениха побогаче.

Во сне девочка пытается пожаловаться на своих обидчиков, но выпивший отец только отмахивается от слёз ребенка, обещая выпороть, если она будет рассказывать подобные сплетни о их семье соседям. Довольная мачеха гордым кивком головы и злобой в глазах, многообещающе молчит. Девочка понимает, что ей лучше спрятаться до утра подальше от дома. Утром она будет нужна мачехе целой и невредимой, чтобы работать по дому и водиться с самым младшим братом – Герни. Карапуз возрастом около двух лет уже отлично бегал от своих нянек и крушил всё, до чего только могли дотянуться его руки. И за каждый его поступок отвечала девочка, даже если в это время с ним водилась Цанти.

Кто поверит той, что жила в этом доме на правах прислуги? Только недалекого ума Гелия, что являлась предпослед-

ним ребенком мачехи. Та вообще всему верит, так как отрицать не может, потому как не разговаривает совсем. Ей было около пяти и её единственным занятием ежедневно с утра и до самого захода солнца, было разглядывать прохожих в мутное оконце на кухне. Только она не сделала за всю свою жизнь Ириде ничего плохого. Впрочем, как и ничего хорошего.

Долго ли продлился этот полусон – полуявь, в глубинах воспоминаний девочки, Ираида Кондратьевна не знала. Только разбудил её разговор об этой девочке, тело которой она занимала. И её в этом разговоре явно представляли не в лучшем свете.

- Вот! Посмотри! – Демонстративно указывала на неё, лежащую в грязном и затхлом тряпье, мачеха, обращаясь к мужчине из сна. Только вид у него сейчас был более пьяный, да и лицо порядком опухло от частых возлияний. – Весь день провалялась твоя ненаглядная Ирида! А мне одной как справляться прикажешь? Не хочет помогать здесь по дому, так хоть с Бартелом поговори! Пусть женят своего Гербальта на ней и будет им помощница для кухни. А тебе работа при кузнице.

- Я подумаю. – Отмахнулся от неё отец девочки.

Интересно, если девчонка постоянно помогала мачехе по дому, фактически полностью выполняя за неё всю работу, зачем она так рьяно пытается от неё избавиться? Не логично это как-то.

- Ты хоть ей что скажи, тунейдке этой! – Обозлилась женщина, что отец девчонке не побежал выполнять её просьбу сразу. – А то привыкнет так лежать, а я за ней ухаживать не нанималась!

- Поговори мне ещё тут, баба. – Разбушевался мужчина, ловко развернувшись и со всего маху давший визгливой мачехе по лицу. – Побежишь жалобиться к соседке, вообще захлестну!

Она завывала на одной ноте, держась рукой за левую половину лица. Присела на широкий табурет и начала качаться в такт своему вою.

- Ты, Фалия, это... Заткнись давай. – Не разжалобился отец девочки. – И на стол гоноши. Мужа встречай и знай своё место.

Он сел рядом с Гелией, что не отвлекалась от разглядывания прохожих за окном даже на крики, настолько ей всё было безразлично. Мачеха грузно поднялась и, всё так же держа пострадавшую часть лица закрытой от моего взгляда, рукой, свободной поставила на стол глиняную миску с лепешками. Рядом с громким стуком поставила кружку с чем-то, налитым из кувшина. Жидкость по цвету напоминала заваренные травы.

- Это всё, что моя драгоценная женушка за день изволила приготовить? – Напрягся отец Ириды. – Небось опять языками с соседкой зацепилась?

- Прибиралась я, да за малыми смотрела, пока стирку за-

теяла. — Язвительно ответила Фалия. Теперь я хотя бы знала её имя. — Не всё же валяться без дела, как твоя дочь!

- Ты клялась не обижать её и воспитывать, как свою! — Голос отца девочки приобрел обвиняющие ноты. — Что же теперь от неё отрешиваешься?

- Да уж скорей бы взамуж её и с глаз долой! — Воскликнула в сердцах, мачеха. — И бумагу эту, что нам стряпчий накалякал, перед свадьбой сунуть надо! Негоже ей и в невестках кузнеца быть и владение нашим домом иметь!

- Эк заговорила, на-ашим! — Усмехнулся мужчина. — Не тобою дадено, не тобою забрано!

- А ну как Бартел прознает, что девчонка домом распоряжаться может, да и попросит нас отсюда, куда пойдешь, деток малых поведешь? — Запричитала мачеха. — Ни родни, ни угла. Пойдем по миру побираться!

- Права ты, Фалка, хоть и кулака порою просишь. — Приздумался мужчина. И мне эта задумчивость не понравилась. — Дом с нею в приданое отойдет, если до свадьбы не отписать его на нас. А Бартел к деньгам жаден, и выгоду не упустит. Завтра с утра сгоноши что вкуснее и дай ей бумажку-то. А я к кузнецу схожу, потолкую за счастье его сына.

Всю ночь я не могла сомкнуть глаз. Это известия о моей скорой свадьбе так меня взбодрили или новость, что эта семья живет в собственности девочки, а значит, в моей собственности? Или спать не давал скрежет и скрипы досок, вкупе с противным натужным сопением и шепотом в ночи

за тонкой стеной? В любом случае, женщине, спрятанной в теле маленькой девочки, слушать родительские ночные утхи, было крайне неприятно. И ведь не возмутишься. Помещаешь и схлопочешь потом, что не спишь.

Дверей в этом доме не было. А комната, в которой я лежала на полу, была детской – кровати были у всех детей, кроме меня. Груда тряпок – вот всё, чего удостоили девочку в её семье.

Терпела я не долго, хоть тут повезло. Дождалась, когда они уснут и потихоньку начала подниматься из той груды, где вынуждена была валяться, пока тело было слабым. Живот сводило от голода, а горло – от жажды. Пока лежала после пробуждения – вертела головой и осматривалась в этой покосившейся избе.

В дверной проем было видно кусок кухни со столом, и там же, скорее всего, находился вход в спальню родителей. Мои, родные по отцу, братья и сестры уже спали крепким сном, набегавшись по улицам за день, или просидев перед окном, как Гелия.

Если я правильно заметила – в миске остался кусочек лепешки. Я желала его заполучить немедленно и употребить в угоду своему желудку. В конце концов – морить ребенка голодом – это огромное свинство со стороны мачехи. В ней, итак, моя душа за последние волосы цепляется, чтобы не улететь обратно. И пусть подспудно хотелось вернуться обратно и завернуть к другому огоньку, всё-таки было боязно.

Вдруг ещё одного шанса мне не дадут? Или дадут, но не так.

Не хотелось бы очнуться в теле какого-нибудь рептилоида и обнаружить, что моё земное происхождение там сразу видно и вообще считается ересью и карается рудниками по добыче особо опасной радиоактивной руды. Тьфу! Куда-то не туда меня понесло, бабку старую.

Под выглядывающим краешком лепешки обнаружилась ещё одна, и целая. Не сдержавшись, проглотила и её, запив из недопитой кружки отца девочки – просто не видела при свете луны в окошко, где стоит кувшин, из которого мачеха наливала питье. Травяной отвар оказался на редкость приятным и ароматным, с привкусом ягод. А лепешка была божественно вкусна, притупив голод. Но в туалет хотелось всё сильнее.

Задвижка на двери в избу открылась с противным скрипом. Я замерла, прислушиваясь к тишине избу, нарушаемой вторящим друг другу, храпом взрослых. Детей слышно не было, но это и нормально. Потянула дверь на себя, а потом толкнула наружу, когда поняла, что открывается она не так, как у меня в квартире.

Спутник этого мира был не один. На ночном небе ярко, для ночи, разумеется, светили два спутника, освещая старый дом, заросшую травой и бурьяном ограду и окрестности с соседними домами.

По вытоптанной в высокой траве тропинке я дошла до сомнительного вида уличного туалета. Тут и там, рядом с тро-

пой были вытоптаны пяточки. Сначала до меня не доходило, что это. И лишь кое-как открыв дверь, я порадовалась, что устояла на ногах – пол туалета давно провалился вниз, и из зловонной ямы на меня щерились обломки гнилых досок. Значит пяточки – это импровизированные отхожие места семейства.

Тяжело вздохнув, постаралась не обращать внимание на обстановку и сделать свои дела таким же способом. Только место пришлось выбирать подальше, где траву не вытоптали.

Как же можно иметь свой дом, землю и не ухаживать за ними? Отец бы меня уже хворостинной захлестал, если бы я учудила «присесть», где ни попадя. Но и хозяин он был рачительный и любая работа в его руках спорилась. И электроинструмента в то время не было – всё честным физическим трудом и по вечерам после работы. А летом и вовсе – пока солнце не сядет.

А после его смерти – уже мы с матерью в порядке содержали семейное гнездо и нанимали мужскую силу, если сами не могли что-то сделать. И лишь потом нам с мужем от работы выделили квартиру, куда мы переехали, приезжая к маме на лето и в выходные вместе с детьми. Сын тоже успел застать те времена, когда рабочим людям выделялись квадратные метры. А вот внукам так не повезло – мир захватила демократия и коммерция под тошнотворными масками благого дела для мира. И миром стали править не добрые мечты о светлом будущем, а деньги.

На обратном пути внимательнее осмотрела двор. Забор – то самое лицо хозяев, что уже с улицы кричит о том, кто живет на этом клочке земли – мало того, что покосился и зиял вырванными жердями, из которых, в основном и состоял, так и был сделан когда-то очень неумело.

Я не осуждаю мачеху, но призадумалась бы на её месте, стоит ли рожать столько детей от мужчины, который пьет, бьет и, судя по всему, явный тунеядец. Хотя и она ему под стать – ездила на чужой девчонке и мечтала за её счет обогатиться.

Хотелось бы прочесть бумагу, о которой шла речь в их разговоре, без свидетелей и подробнее. Разумеется, подписывать я её не стану. Не хватало ещё последнего угла, пусть и такого свинского, лишиться. Вопрос, смогу ли я прочесть чужие письма, ещё и написанные вручную? И, если всё-таки смогу, то как не показать мачехе свою образованность? Вряд ли девочку учили хоть чему-то, кроме обязательного набора круглосуточной прислуги.

Немного подышав свежим воздухом на крыльце, решила с утра ознакомиться с бумагой и постараться её уничтожить так, чтобы мне за это не перепало. Вторую такую им вряд ли сделали.

Осторожно вернулась на своё место – в тряпки на полу. Голова болела меньше после сна и прогулки, и я, понадеявшись, что к утру всё пройдет, постаралась заснуть.

Меня разбудил голос мачехи, зазывавший просыпаться и завтракать. И такой голос у неё был притворно-сладкий, что даже дурак бы насторожился.

При свете дня и в вертикальном положении, дом обрел еще более унылые черты. Видно было, что не так долго ему осталось – хиреет изба и кренился, грозя вот-вот упасть, погребая под собой всех виноватых за разгильдяйство и беспечность.

- Вот. – Мачеха поставила передо мной на стол ополоснутую кружку и налила в неё отвар. Тёмное кольцо внутри неё оттереть и смыть не догадалась, но своё фи я пока сказать не могу. Весовая категория не та. – Бери сегодня пару лепешек. А то совсем исхудала. Голова не болит?

- Нет. – Коротко ответила я. Боль действительно прошла.

- Смотри мне. Если заболит что, ты говори сразу. Не гоже будущей невесте больной в дом кузнеца идти. – Не к месту заулыбалась она, видимо пытаясь проявить радушие и заботу. – Отец твой пойдет сегодня с Бартелом разговаривать. И если они сговорятся, то ты войдешь туда на неделе невестой, а через пару недель и женой станешь.

Женщина слегка нахмурилась, не увидев на моем лице радости. Но я и не претендовала на звание артистки, сразу отражая на лице те эмоции, что испытывала. А кроме недоверия и глубокого скепсиса я сейчас точно ничего не испытывала.

- Не печалься и не думай плохого. Спать тебе всё равно

здесь негде. А там будешь под теплым боком мужа в своей постели. В сытости и при деньгах. – Попыталась она меня заверить. – Только нужно поставить здесь твою подпись.

Она протянула мне извлеченную из-за пазухи, сложенную вчетверо плотную и невзрачную, желтоватую бумагу. Развернула листок с интересом глядя на прыгающие строчки неизвестного мне языка. И с облегчением поняла, что понимаю написанное.

- Что это? – На всякий случай спросила у мачехи. Надеюсь, она посчитает меня достаточно глупой и не вырвет её из рук.

- Здесь написано, что ты согласна на брак со своим женихом. – Она нервно ткнула в одну из строчек пальцем. – Видишь, здесь написано его имя – Гербальт Бут.

Разумеется, имени здесь и в помине не было. Как и дарственной на дом. Это было письмо, в котором некто, по имени Исдир отчитывался о проделанной им в конторе работе. Описание замены мебели и затрат на ремонт были весьма подробные. Но письмо стало полезным – деньги в обиходе этого мира назывались «сунар» и были разного достоинства от золотого до медного.

- А как подписывать? – Я старательно сдерживала рвущийся смех, но мачеха поняла это по-своему, расслабившись.

- Поставь любую закорючку. Сейчас принесу тебе стик. – Она заторопилась, задев рукой и чуть не смахнув со стола

мою кружку. Но вовремя схватила её, поставив ровно.

Через пару минут, тяжело дыша от бурных поисков заветного пишущего стика, она протянула мне палочку, проведя ею по своему языку. Чем-то это действие мне напомнило советские цветные карандаши, когда слюна придавала яркости рисункам. Только эта палочка не имела грифеля. Но, тем не менее, она оставляла за собой тёмно-серую полосу, словно простой карандаш. Я не стала ставить привычную роспись, чтобы не вызвать у женщины когнитивный диссонанс, а нацертила крестик. Кажется, так в старые времена расписывались неграмотные крестьяне.

- Вот и хорошо. – Она вырвала из моих рук бумажку, не значащую ровным счетом ничего и, свернув по старым сгибам, снова спрятала её ближе к телу. Следом был отобран и любопытный карандаш. – Теперь дождемся твоего отца с новостями. А пока ты можешь приготовить обед к его возвращению, раз голова у тебя больше не болит.

Отношение её, смотрю, сразу изменилось. Опять прорезались властные нотки, а лицо приобрело отнюдь не добрый вид.

- Из чего? – Сообразила я спросить, когда она уже была в дверях, ведущих на улицу.

- Из чего хочешь. Пошарь по полкам и в погребе. – Отмахнулась она, куда-то явно торопясь.

Я пожала плечами и решила, что нужно прежде всего накормить себя и детей, а уж что останется, перепадет этим

двум тунеядцам.

Глава 2

Добычей из закромов на засаленных полках в кухне стала крупа, больше похожая на перловую. В погребе мною была обнаружена вялое подобие моркови, по паре головок чеснока и лука. А с потолка свисало сокровище – маленькое колечко копченой колбасы.

Руки тянулись стащить её и употребить самой, немного поделившись с Гелией. Но, обделять других детей, пусть они и не самые лучшие родственники, было бы неправильно. Да и с половинки этого кружка можно было сделать наваристой и душистой каши так, что пальчики оближешь. Лишь бы ещё масло найти. Порывшись в пыльных плесневелых крынках, нашла топленое масло и очень этому порадовалась.

Маленькая, металлическая печка – буржуйка ютилась в углу кухни, отделанном камнем. Её тонкая, кривоватая труба уходила в потолок и терялась, скорее всего, за пределами тяжелой кровли из заросшей мхом, старой черепицы. Хворост для растопки был тут же, в большой плетеной корзине с разобравшимися от долгой эксплуатации, боками. Но так видимо, и было задумано – концы веток не нужно было обламывать.

Готовка не заняла много времени. Перловая крупа сварилась быстро, а заправка для каши из пережаренного лука, моркови и мелких кубиков от половины кольца, наполнила

старый дом аппетитными ароматами.

Найденную глиняную посуду пришлось кипятить в тазу – до такой степени она была грязной от остатков предыдущей пищи, подозреваю, что присохшей в разное время.

- Ты знаешь, что мамка с отцом у соседей празднуют стоговор? – Раздался голос моего сводного братца. – И за взятую колбасу ты ещё сегодня получишь трёпку?

- Это почему же? – Спросила я.

- Она хранилась до дня рождения матери и нам было запрещено её трогать. – Пожал он плечами. – Но обратно ты её уже не соберешь, так что корми нас. Пахнет очень вкусно.

Мальчишка был, как и Цанти, чересчур активным и пронырливым. Сбегав в комнату, он принес в руках завернутый в тряпку, ноздреватый хлеб.

- Чуть не попался утром, но успел улизнуть. – Не покаялся – похвастался он. – По крайней мере нам поесть хватит, а муки для лепешек нет уже. Надо вечером на мельницу сходить.

- Ты и там воруешь? – Резко спросила я с укоризной.

- Зерно грузить помогаю и в жернова сыплю на помол. – Усмехнулся он, потянувшись за ложкой и разломив хлеб на пять частей. – А после работы мельник платит мне мукой.

Мне стало немного совестно, что сразу думала о нём плохо. Нет, хлеб-то он украл! Значит не настолько невинный и чистый. Но факт его подработки вызвал во мне не только одобрение, но и негодование. До чего же эти горе-родители

довели детей своим безразличием, раз они на прокорм себе ищут!

Покормив всю ораву, заставила Цанти смотреть за младшим, пока мыла посуду до скрипа. Столовая тряпка воняла хуже, чем стоял запах в уличном туалете, поэтому выбросила её без всякой жалости. Нарвала травы и пучком отмывала жир в горячей воде.

С обеда, когда развешивала за домом выстиранные в зольной воде тряпки, на которых была вынуждена вчера спать, почувствовала чужое присутствие за спиной. Пальцы щипало от едкого щёлока, но в момент, как почувствовала на себе заинтересованный взгляд, захотелось поёжиться и мысли о боли выветрились.

Резко обернувшись, посмотрела на великовозрастное дитя, что с гадкой ухмылкой блуждал заинтересованным взглядом по моей одежде. Рыжие вихры волос его были спутаны, а тяжелый подбородок украшала недельная неопрятная щетина, грозящая вот-вот уйти в свалывшуюся и слипшуюся от остатков еды и питья, бороду.

Рост довольно молодого человека был под стать сказочным богатырям. Даже на расстоянии, по сравнению с ним, я чувствовала себя пигалицей перед кондором. Да и, судя по исходящему от него запаху, если он падалью не питался, то явно валялся рядом.

- Так вот как выглядит моя будущая жена. – Протянул он с явным презрением, видимо, разочаровавшись в отсутствии

у меня хоть каких-то женственных форм. – Подойди ближе. Мне нужно оценить то, что должно теперь каждую ночь радовать мой взгляд.

Я попятилась. Знала, что нельзя так делать. Что это только спровоцирует его интерес, но поделаться с собой ничего не могла – проще попытаться убежать, нежели подчиниться и попасть, словно лягушка для препарирования. А уж взгляд его карих глаз, как раз говорил о том, что одежду с меня снимут сейчас же, невзирая на день и появление возможных свидетелей.

- Не стоит бежать, жёнушка. – Он решительно направился в мою сторону, даже не глядя в траву, под ноги. А ведь я недавно старательно вглядывалась в густую поросль травы, чтобы не наступить босыми ногами в то, что потом долго буду отмывать. Остановился в паре шагов от меня. – Папаша сговорился с твоими родителями, и они уже всюю празднуют у твоих соседей наш сговор, а я пока закреплю наш с тобой брак, как у лордов. Видишь, как горячо моё желание?

Он демонстративно выпятил свой таз вперед, демонстрируя бугор на засаленных штанах в районе ширинки. Я, не сдерживаясь, сморщилась от брезгливости. Он просто огромный свинтус, пусть и жиром не успел обрасти.

- Родители тебя убьют, если испортишь до брака. – Попыталась я воззвать к его совести и страху. – Негоже замуж нечистой идти.

- Плевать. – Осклабился он, схватив меня за рукав платья.

— Твой отец с одного удара свалится, а мать только и может, что верещать. Зато я сейчас смогу убедиться, подходишь ли ты мне.

Его крепкие пальцы начали рвать на мне, итак, почти истлевшую от частых стирки и носки, ткань. Не удержавшись на ногах, а, может быть и специально, он повалил меня в траву. Я начала кричать, но его вес был настолько большим, что грудная клетка сжалась, а легкие быстро потеряли воздух. Он попытался заткнуть меня своим ртом, шаря при этом по подолу и, уцепившись за его край, рванул его так, что ткань жалко затрещала, сдаваясь под его силой. Я же, не имея сил и возможности вырваться или оттолкнуть такую громаду, шарил свободными руками в траве, надеясь обнаружить там хоть что-то тяжелое.

Быть изнасилованной вот так, каким-то смрадно пахнущим потом и чем-то гнилым, вызывающим рвотные позывы, мне безоговорочно претило. Уж лучше попасть в местную тюрьму, чем потом всю оставшуюся жизнь жалеть, что не смогла защитить себя. В глазах мутнело от недостатка кислорода и перехватившего спазмом горла, когда рука зацепилась за что-то твердое. Это оказался камень, размером чуть больше кулака взрослого мужчины.

Раздумий не было, я ухватила за последнюю возможность избежать насилия, применив насилие в ответ. Укусила его за жирную, мясистую губу, отчего он приподнялся на руках, с бешеным изумлением глядя на меня, не веря, что ему

доставили боль. По его подбородку, из раны, тонкой стружкой потекла кровь, капая на мою голую грудь и шею. Я же, глубоко вдохнув вожденный воздух, со всей дури припечатала камень к его лбу.

Раздался глухой стук, и мой драгоценный жених, закатив глаза, начал заваливаться на меня, теряя сознание. Еле успела отодвинуться с траектории его падения, уперев руки так, чтобы он сполз на бок. Удалось это с большим усилием. Опрокинула его с бока спиной на траву, пытаюсь определиться, жив ли он остался?

Сердце колотилось в груди о рёбра испуганной птахой – не убила ли я его ненароком? Теперь, когда я освободилась и осталась относительно цела, вопрос с тюрьмой встал остро. Туда мне тоже не хотелось попасть. Вена на его могучей шее напрягалась в такт ударам сердца, и я с облегчением выдохнула. На его лбу набухла больших размеров шишка. Ничего. Пусть полежит, подумает о своём поведении. А я пойду в дом, пожалуй.

Выходить за него замуж я не собиралась. Пусть мачеха, если уж так желает, сама к нему в койку прыгает. А я такой судьбы себе не желала.

- Гелия, покажи, где мои вещи? – Обратилась я к самой младшей сестре. Цанти упорхнула куда-то с Герни, а Осбрук опять где-то искал способы заработать, и лишь она могла сейчас мне помочь с поисками.

Платье было изодрано, словно его нещадно рвала свора

собак и восстановлению не подлежало. Гелия посмотрела словно сквозь меня, но послушно встала и пошла в детскую комнату, где залезла под кровать Цанти, вытягивая оттуда деревянный короб, когда-то явно радовавший AWu8V_Zk глаз детей своими яркими рисунками на боках. Сейчас о них напоминали лишь впитанные деревом очертания декора, да остатки облупившейся краски.

Заглянула внутрь, начав вытаскивать на свет божий платья разных размеров. Некоторые из них были даже красивыми, но безумно мне малыми, не смотря на subtilность этого тела.

- А мои платья здесь есть? – Повторила я вопрос девочке. Она глубоко выдохнула, опустив при этом плечи, и снова забралась под кровать, достав оттуда небольшой узел из тёмно-серой грубой материи, судя по текстуре – ручного ткачества.

Развязав этот узел, я обнаружила в раскрывшемся комке такое же, что было сейчас на мне, застиранное вусмерть платье, нательную рубашу и штаны. Но больше всего мне приглянулось богатство иного рода – в вещах нашелся небольшой нож с ремнем и привязанным к нему чехлом. Или ножнами?

В любом случае – всё это богатство мне понадобится уже сейчас. Я, не вдаваясь в подробности, откуда у бедной девчонки взялся нож, одела рубашу и брюки, подвязав всё ремнём с пристегнутым ножом, а сверху натянула платье. Оно всё равно выглядело, словно мешок из-под картошки с про-

резами для головы и рук и длиною ниже колена, потому хорошо скрыло мою нижнюю одежду.

Я вышла в кухню, где сидел и держался за шишку на лбу, мой женишок. Встала в проёме, как вкопанная, не зная, что сделать – к двери на улицу я добраться не успею – он сел так, что стоит ему протянуть руку, как я буду схвачена. А окна в этом доме, увы, были слишком узкими и не открывались. Отошла к печке, высматривая кочергу для самообороны.

- За что ты меня так? – Вопросил он, морщась от собственного голоса. – Я ведь только хотел скрепить наш брак.

Морщился он, скорее всего, от головной боли после удара и потери сознания. И мне нисколько сейчас не было его жаль, учитывая, что он недавно пытался сотворить.

- Скрепишь брак после брака. – Отрезала я. – А я живой до брака не дамся. Так и знай. А сейчас возвращайся домой и ожидай отца.

- Нет уж. – Усмехнулся он. – Я пришел сюда сделать своей женой, и выполню своё желание.

С этими словами он поднялся и, всё ещё держась одной рукой за лоб, пошел на меня. Что же, достучаться до его разума не удалось, и я прибегла к плану «Б». В чем он заключался? В своей импровизации!

Если не получилось спокойно разойтись, значит нужно разойтись беспокойно! Я взяла из таза глиняную кружку, и плеснула ему в лицо водой, в которой полоскала посуду после мытья. Он разозлился, но я не стала дожидаться от-

ветных действий, припечатав свой маломощный кулак ему в глаз. Может быть, синяк и не поставлю, но хотя бы покажу, что готова бороться до конца.

Он взвыл, но я услышала этот вой, когда уже была на крыльце дома. В калитку как раз заходили пьяноватый отец и счастливая донельзя, мачеха.

- Сиятельная Ласути! – Всплеснула руками жена отца, глядя мне за спину и запричитав визгливым голосом. – Что ты сотворила со своим женихом, гадина? Гербальт, она не сильно тебе навредила?

Мачеха кинулась не ко мне. Правильно – я сейчас выглядела опрятнее, чем была недавно, а вот вышедший вслед за мной женишок сверкал сейчас не только шишкой на лбу, но и наливающимся синяком под правым глазом. Взглянула и сразу почувствовала удовлетворение от проделанной работы. Пусть у него нижнее веко и не заплыло, но белок глаза покраснел, а верхнее веко закрывало глаз уже почти наполовину, разбухнув и наливаясь кровью. Значит ткнула костяшками пальцев в его орган зрения не просто так.

- Он хотел взять меня силой до свадьбы. – Попыталась объяснить отцу причину, увидев, как начало у него перекашиваться гневно лицо. – Я не далась.

- Он твой жених уже! – Возмутилась Фалия. – С тебя бы всё равно не убыло! Мы же уже сговорились! Как он теперь за стол сядет в таком виде? Это всё твоё воспитание, Грегор! Не мог сладить с девкой раньше, теперь как оправдываться

перед Бартелом за его сына будем?

Женишок, поняв, что его вовсе не собираются ругать, принял несчастный вид и опустил глаза на ложбинку между грудей мачехи. Та не замечала его плотского интереса, поспеменно дую на шишку и испепеляя меня взглядами раз за разом, как поворачивала в мою сторону голову.

- Ну раз не воспитал тогда, значит воспитаю сейчас! – Отец дошел до кондиции, чуть шатающейся походкой направляясь ко мне. Лицо его всё еще было гневным, но сейчас в глазах плескалась решимость. И мне это отчаянно не нравилось, но сбежать я попросту не успела – он подошел ко мне и схватил за волосы левой рукой, а правой залепил пощечину. Искры посыпались из глаз, а кожа загорела огнём. По щекам самопроизвольно потекли слёзы. Не дав мне опомниться, он дал мне ещё одну пощечину, и ещё одну, а потом, видимо, удовлетворившись результатом «воспитания», поволок за волосы к женишку и бросил ему в ноги.

- Можешь скрепить брак прямо сейчас, мы не возражаем. – Сказал этот предатель, разом выкурив из моей головы все добрые чувства к этим людям. – В доме можешь выбрать любую кровать. Мы немного задержимся во дворе.

Вот так, в одночасье, надо мной пытались надругаться, мне удалось спастись и даже отстоять свою девичью честь, если при таких родителях она у этой девочки ещё оставалась нетронутой, чтобы собственный родитель кинул меня в ноги тому, от кого я так отчаянно недавно отбивалась! Сквозь

слёзы я смотрела на своих мучителей и понимала, что с каждой секундой ненавижу их всё больше. И, чтобы не сойти окончательно с ума, обещала себе, если выживу – убраться как можно дальше из этих мест, отомстив, пусть не сразу, но как только удастся набраться достаточно сил.

Мне несказанно повезло. Словно Сиятельная Ласути здесь и вправду существовала и обратила на меня сейчас свой взор, отведя беду. Мой женишок оказался то ли ещё и гордым, то ли достаточно боязливым после моих признаний, но сплюнул на землю прокушенной губой и, двинулся прочь со двора, отказавшись от сомнительного счастья прямо сейчас оприходовать свою невесту.

- Как станет женой, так и заберу, что положено. – Бросил он напоследок своё решение и хлопнул калиткой так, что она оторвалась от верхней петли, бессильно повиснув на нижней, упираясь одним углом в землю.

Он ушел, а я осталась наедине с этими извергами. С людьми, что к людям относились весьма опосредованно и с огро-о-омной такой натяжкой. Папаша ввалился в дом, потеряв ко мне всякий интерес. Мачеха же, с победной, удовлетворенной улыбкой поплыла вслед за ним. А я уже понимала, что на кухне их ждали остатки каши с колбасой, за которую, как обещал Осбрук, мне должно было перепасть. Второго такого «воспитания» я бы не перенесла ни физически, ни психически, потому попятилась к выходу из этого дома терпимости бывшей Ириды.

Голова слегка болела, как болела и вся левая половина лица. Я никогда раньше не получала такого рода травм, потому не знала, насколько это может быть больно физически и морально. Морально – это смириться с унижением и физической властью над собой у чужого человека. Муж в прошлом мире никогда не позволял себе то, что позволил отец Ириды. Да и я сегодня ударила впервые. Даже детей мы не наказывали ремнём, пусть в наши годы это повсеместно практиковалось, а ставили в угол и запрещали прогулки с друзьями. Для наших детей запрет на прогулки был страшнейшим наказанием, и попадали они под него редко.

- Ирида! – Услышала я далёкий голос мачехи во дворе, уже скрывшись в кустарниковых зарослях леса, расположенного рядом, через несколько соседних домов и маленькую полянку.

У меня не было с собой ничего – ни еды, ни питья, никакого походного инвентаря, чтобы укрыться. Даже обуви на ногах, и то не было – я сбегала из этого дома, из этой деревни в том, что было на мне одето. С твёрдым намерением никогда сюда не возвращаться.

Гори он огнём, этот перекошенный от времени дом! И пусть они им подавятся! Его проще снести, чем пытаться восстановить.

- Никогда не вернусь сюда. Никогда! – Выкрикнула я, всхлипывая и жалея себя, одинокую на весь мир, несчастную попаданку. – Слышите?

Для чего мне дали второй шанс? Чтобы мучить вот так, новообретенными родственниками? На что они надеялись? Да и кто они, те, что вот так спокойно кидают душу с памятью прошлой жизни в другое тело, не объяснив даже целей?

Я шла и не находила ответов на свои вопросы. То, что я знала из прошлой жизни, вычитывая из интернета и высматривая в видео и телевизоре, никак не сочеталось с жестокой реальностью, где я не принцесса, не графиня, не дочь боярина и не проснулась в неге на шелковых простынях, объяснив своё попадание потерей памяти. Во мне нет вагона и маленькой тележки с магией, и я не крушу врагов направо-налево одним взмахом ресниц. Здесь вообще, по-моему, магии нет. А у меня нет навыков боя. И то, что я попала этому бугаю в глаз, просто везение! В него вообще тяжело было не попасть – он был близко настолько, что хоть глаза закрой и махни наугад – всё равно попадешь не в нос, так в ухо.

Не заметила, как углубилась в лес, а очнулась тогда, когда слышала невдалеке конское ржание и разговоры людей. Замерла, прислушиваясь, но речи, пусть и перемежаемые смехом, как мужским, так и женским, было не разобрать.

- Что они говорят? – Задала сама себе вопрос.

- Они говорят, что будут ночевать здесь. – Раздался голосок откуда-то снизу...

Мой визг распугал бы всё лесное зверье в пределах нескольких километров. Если бы я его сумела из себя сейчас выплеснуть. Бурный «слёзоразлив» и блуждание по лесу без

цели сделали своё дело – в горле пересохло так, что голосовые связки проскрипели тихо и хрипло, обреченно отказавшись выполнять свои функции. Я хватала воздух ртом, силясь вымолвить хоть слово, ещё хоть какой-то звук, глядя на енота, стоящего рядом со мной на задних лапах. Говорящего енота!

- Немая что ли? – Спросил он, но тут же засомневался в своём вопросе. – Да нет. Вроде же ты вопрос недавно задала?

Он смотрел на меня вопросительно, прижав мелкий кулачок с коготками к своему подбородку, словно делал сейчас для себя какие-то выводы. У енотов ведь есть указательные пальцы? Нет, я ни разу в своей жизни не видела енотов – только на картинках, в видео и зоопарке. И как-то при своей жизни не обращала внимания на их окрас и видовые отличия. Как и не искала специально. Но это был определенно енот. И у него было пять пальцев на передних лапках. Ростом KLRx9qsd он доставал мне до колена. Значит, был примерно сорок сантиметров в длину. Я, наконец, сглотнула вязкую слюну, смочив связки, и попыталась втолкнуть в короткую фразу всю степень моего изумления.

- Т-ты говоришь?

Все мои недавние мысли отступили сейчас на десятый план, и всё оставшееся внимание занял он – загадочный говорящий енот.

- Хочешь, спляшу? – Ехидно отозвался он. – Вроде не дура, судя по виду. Хотя сумки нет, значит живешь недалеко.

И одета как-то просто. С деревни?

- Д-да. — Я ещё кивнула в ответ, пытаюсь понять, что не брежу сейчас, и передо мной действительно енот с развитой речью и мозгом.

- Понятно с тобой. Фамильяров ты никогда не видела, значит. — Вдруг осознал он, делая вывод с высоко поднятым вверх указательным пальцем. — Так что, мы пойдем к тем людям, или ты меня домой заберешь? Учти, я люблю только свежие ягоды и фрукты. И мясо должно вариться перед подачей!

Мясо. Его я ела в этом мире только один раз. И то в колбасе и утром. А сейчас в лесу начинало понемногу темнеть. Как долго я блуждала по нему? И куда мне идти теперь? Я усмехнулась. Ещё и енота с собой вести. Кормить его чем-то. А ведь у меня с собой ничего нет, кроме ножа. Но в тот дом я точно больше не вернусь!

- Скажи, пожалуйста, почему я должна тебя куда-то вести? — Спросила я его, поражаясь абсурдности ситуации. До чего дошел этот мир. Здесь даже есть говорящее зверьё!

- Ты что? — Тут же возмутился он, замахав лапками. — Я единственный фамильяр, что встретился тебе за прожитые тобой годы. И, возможно останусь единственным, кого ты встретишь за всю свою жизнь! Мня ценить нужно! И кормить! Курочкой варёной!

Пф-ф-ф... Кто бы меня сейчас накормил. Хотя чем-то...

В животе дал о себе знать пустой желудок. Его зовы услы-

шал и енот, взглядом и движением ноздрей на носу, выискивая съедобное в моих карманах. Вот только и их у меня не было.

- Ты без еды, да? – Спросил он упавшим голосом, словно сейчас заплачет. – Те люди не опасны, я слушал их разговоры. Может попросим еды у них?

- С чего бы им делиться с чужаками? – Резонно заметила я.

- Скажешь им, что идешь учиться в академию, потому что у тебя магический дар, и они сами накормят тебя и твоего фамильяра! – Просиял идеей енот. – Меня, кстати, Вайрен Омисо Гошки зовут, а тебя?

- Ирида. – Отмахнулась я, назвав имя девушки, чьё тело занимала. Вдруг здесь какие-то заморочки с именами и подтверждением личности есть?

Впрочем, у родителей я никаких бумаг не видела. Знала, что фамилия Ириды Отт и всё. Да и в памяти никакой информации не всплывало об этой стороне жизни. Значит всё как-то по-другому.

На уговоры Гошика я всё-таки согласилась, предварительно сократив его длинное пафосное имя. Язык намозолишь, пока полностью проговоришь, обращаясь к нему. Магии у меня, не было, чем его и «порадовала». Но он не унывал, тут же придумав другой убедительный повод присоединиться к людям у костра и обосновать им присутствие рядом со мной разумного животного.

Кстати, животным он категорически не рекомендовал себя называть, пояснив, что впадает в бешенство от этих обидных слов. Но я недоумевала, как ещё можно охарактеризовать его форму жизни. Не человек же он, в конце концов. И на разумное животное он тоже категорически не согласился, оскалив мелкие зубки и вытаращив на меня мгновенно покрасневшие глаза. Пришлось поднимать руки и каяться, что не хотела обидеть его тонкую душевную организацию.

Ароматы жаренного мяса и заваренных трав распространился так далеко, что мы почувствовали его метров за двадцать от места расположения костра и окружающих его людей и повозок.

- Это торговый караван. – Подсказал мне услышанную информацию Гошик. – Люди из Королевства Лунары поедут через Хайлим до Бостера и потом в Манч. Они везут товары на продажу. Нужно попроситься с ними.

- Я не знаю территории. – Призналась ему.

- Манч – это столица нашей Империи Прадис. – Начал толковать мне елот. Он чертил на расчищенной от листьев, земле примерные очертания земель, на которых мы находимся и соседних государств. - Мы сейчас находимся почти на восточной границе с королевством Лунара. Недалеко от нас сейчас деревня Иста, а дальше будет городок Хайлим. За ним город Бостер и уже дальше дорога приведет нас к сердцу Империи – Манчу. Но туда я бы не советовал тебе бежать.

- Почему бежать? – Выдала я себя удивлением от его быстрого перехода от объяснений к догадкам.

- По тебе же видно, что просидела ты в тёмном углу все начало своей жизни и сбежала с дома не так давно, раз вспомнила о еде только что. – Пояснил мне Гошик. – Тяжело мне с тобой, горемычной, будет, но я надеюсь справиться с этой проблемой. А в столицу бегут все, кому не лень, за богатой жизнью. Потому туда беспризорных не пускают, чтобы нищета и преступность на улицах не плодить.

Вот те раз. Это я-то нищета? Хотя да. Нищета, и ещё какая...

Ноги, нахоженные в необутом виде по лесному насту, уже давали о себе знать, нашептывая, что они устали. Да и выглядела я, не сказать, что горожанкой – тощий парень с длинными, густыми волосами чуть ниже лопаток. И только это выдавало во мне сейчас принадлежность к женскому полу.

Глава 3

- Будьте здоровы, попутчики. – Улыбнулась я, выходя на небольшую полянку с многочисленным, разновозрастным людом. – Позвольте нам с моим фамильяром присоединиться к вашей компании?

- Магичка, что ли? – Раздалось из-за повозки, и вскоре показалась холёная голова крупного мужчины.

- Ещё нет. – Смущенно пробормотала я. – Дар недавно обнаружился, и я пока не умею им пользоваться. Вот, иду к Хайлиму в поисках учителя.

- И какой же у тебя дар? – Спросила дородная женщина, с убранными под цветастый платок, волосами. Её круглое, румяное лицо сейчас поблёскивало капельками сока от куска мяса, что она держала в руках. – Если огневичка, то у нас есть уже пара таких.

- Она слабый целитель. – Ответил за меня енот. – Научится немного и будет лучшей лекаркой в Империи!

- Видали и посильнее. – Заржал парень с куском хлеба в руке и кружкой, исходящей паром. – И много ль ты жизней спасла?

- Мою! – Выставил вперед нижнюю лапку, вставший на задние, Гошик и с пафосом начал рассказывать. – Вчера все силы в меня ухлопала, пока заживляла раны, да так, что истощилась вся. Только сегодня смогла путь продолжить! Возь-

мете с собой и накормите, и я вам всё-всё расскажу!

Молодые в толпе заулыбались его выступлению, женщины блестели зажегшимся в глазах интересом, и только мужчина около повозки неодобрительно качал головой. Но людская масса, жадная до историй, лишенная развлечений в долгой дороге, чуть расступилась, освободив для нас место.

Молодая девушка протянула мне ломоть хлеба и тарелку с кашей, середина которой была занята парой румяных кусков кострового мяса. Я чуть не захлебнулась слюной, пока принимала угощение из её рук.

Гошику достался отдельный паёк из долек каких-то красно-бордовых фруктов или овощей, кусочков мяса и горсти орешков. Гордо усевшись, он вдруг посмотрел в миску и начал оглядываться вокруг, что-то пытаясь обнаружить.

- Есть миска с водой? – Взмолился он, глядя на девчонку, что подала ему еды. – Я не смогу есть грязными пальцами.

И в глазах его сейчас был весь космос разом, так они заблистали. Девочка, словно замороженная, отошла к телеге и зачерпнула в мисочку воды, вернулась и поставила перед ним. А я чуть не рассмеялась. Он ещё и полоскун!

Гошик сначала тщательно прополоскал лапки, а затем, стесняясь окружающих нас, внимательно на него смотрящих людей, деловито отпустил орешки и дольки в воду. Сам же впился в мясо зубами и быстро с ним расправился. А потом, тщательно промывая дольки, употребил и их. Последними жертвами кревоугодия енота стали орешки.

Я, засмотревшись на это удивительное зрелище, получила в подарок остывшее в тарелке мясо. Пришлось есть его так, запивая теплым травяным напитком с примесью очень вкусных ягод.

- Ну, а теперь, гости наши дорогие, - немного с иронией, чуть с недоверием и самой каплей добродушия, предложил нам главный мужчина, - с вас подробный рассказ о чудесном спасении фамильяра и причин, приведших к его травмам.

- Дело было так... - Начал рассказывать Гошик. И так здорово у него получалось, что даже я заслушалась и зарделась от его похвал, пусть такой ситуации и не было.

И умница я, и красавица, и чуть ли не целый госпиталь развернула, рискуя своим здоровьем и обороняя несчастного енота от нападения дикого шипастого сомера. Этот зверь, как позже я узнала, был похож на койота и в шерсти у него таились шипы от более крупных хищников. Питался он падалью и мелкими животными, которых удавалось найти или застать врасплох. При сильном голоде они безрассудно нападали и на более крупную добычу.

И я, вся такая великолепная, на крыльях магии спустилась с неба, чтобы спасти его, вернуть, всего такого раненого и уходящего из этого бренного мира.

Театральная постановка имени одного актера выдалась вполне удачной. Люди, заслушавшись, после окончания выступления, словно отмерли и обнаружили спустившиеся на лагерь, густые сумерки. Засуетились мужчины, забежали

женщины, лагерь объял хаос подготовки ко сну.

- Я могу чем-то помочь? - Спросила у главного мужчины в этом караване, отвлекая его от раздачи указаний другим сопровождающим и охране. И, стесняясь, жалобно продолжила. - Мне бы место в телеге или под ней...

- Меня Бранк зовут. А помочь можешь Ниссе. - Он поднял руку и показал рукой на "боярыню", что так же, как и он, раздавала сейчас указания по обустройству ночлега, только уже женщинам.

Интересное имя Нисса. Какое-то спокойное, домашнее и уютное. Вот только его обладательница выглядела совсем не спокойной. Она успевала всё всем подсказать, и при этом сама делом занималась - выгружала мешки со спальными принадлежностями и передавала их девушкам, что стелили соломённые тюфяки и стёганные одеяла на разложенные по траве ветки.

Маги обходили лагерь по периметру, делая движения руками, словно вуали развешивали на невидимые крючья. Издалека эти действия смотрелись забавно.

А мне поручили помогать девушкам стелить одеяла поверх разложенных тюфяков. И после проделанной работы выделили место для сна. Ровно в середине, чтобы сто раз запнулась ночью о спящих, если вдруг вздумаю проснуться и пройтись по лагерю. Я их понимала. При условии, что на ночь оставляли дежурных, такая предосторожность была бы не лишней, тем более, охранять они будут от угрозы извне,

и проблемы внутри лагеря ночью никому не нужны.

Меня проводили к щиту из досок, под которым была вырыта яма для справления нужд. И такое бережное отношение к природе и тем, кто здесь и после будет останавливаться, меня только порадовало.

В сторону лошадей меня попросили даже не смотреть. Они слушаются исключительно собственных хозяев и за чужачкой не пойдут. Так сказать, «предупредили». А мне и не нужно это было. Часто ли заядлые горожанки, пусть и прожившие детство в пригороде на собственном хозяйстве, видели лошадей? Я вам скажу – не часто. Фактически, несколько раз и то, издалека. Пастух собирал коров в стадо с частных подворий, чтобы совместить их с колхозными и пасти вместе со знакомым ему пастухом.

Правило у нас тогда было одно – сколько голов в хозяйстве, столько дней и пасешь. Но, все же работали, а тунеядство тогда наказывалось, вот и приставили одного тунеядца на благое дело, а после он и сам втянулся в строй. Рабочий человек – звучало гордо, не то, что сейчас. А ему не только копейка, но и паёк собирали с собой. Уважаемым человеком стал, даже дети с ним здоровались, по примеру родителей.

Так что лошадь я, пусть и видела, но подойти к ней не решусь. Слишком уж они, говорят, своевольные, и к ним подход нужен.

- А сколько дней пути до Хайлима? – Спросила я у Ниссы, что прилегла рядом для пушей бдительности.

- К третьей ночи встанем лагерем перед воротами. А ранним утречком в ворота пойдем все вместе. – Бесхитростно ответила она и закрыла глаза. – Спи, магичка, побудка ранняя. Еще кормить всех нужно будет.

Так для меня определили обязанности по отработке еды и охраны в караване. Я помогала со сборами, с приготовлением еды и мытьем посуды. До самих огромных котлов меня никто не допускал. А вот овощи чистить, пойманную в силки рыбу – это пожалуйста. И после трапез АОix3nQv на привалах остальные девушки дружно свалили всю черную работу на меня, находя занятия полегче. А мне что? Пучок травы, песок и близкие ручьи помогали в неприхотливом занятии отмывания посуды. С первого привала набирала золы в костре и отстаивала в кувшине с водой, чтобы чистка шла быстрее.

Гошик обнаружил в себе недюжинный талант рассказчика и в красках и лицах веселил торговый люд. Кто и что вёз, они прямо не говорили. Но, по обрывкам разговоров я поняла, что везли, в основном ткани, предметы быта и вещи собственного изготовления.

Один из мужчин, старик уже почти, ехавший со своими сыновьями, перед самым приездом к городским стенам, вручил мне мягкие сапожки и ткань для портянок.

- Вижу, что не собираешься останавливаться в городе, да и с нами путь продолжать не желаешь. – Он достал их из-за спины, протянув вперед. – Не гоже босыми ногами дальний

путь держать. Пусть они берегут твои ступни. Примерь-ка!

И я, довольная нужным подарком, примерила. Они были в пору, а портянки приятно прилипали к коже, защищая от мозолей. Благодарила его вдохновенно, от души. И поняла, что встреченные нами люди были даны кем-то свыше.

На прощание нам вручили маленький походный набор посуды из котелка, ложки и кружки. А Нисса вручила сумку с длинным, широким ремнем через плечо, чтобы было удобнее нести.

- На, и спрячь скорее, пока Бранк не видел. – Торопливо сунула она мне в ладонь несколько медяшек. – Хлеб на дереве не растет. Как и крупы. А запас спину не потянет, тем более, у тебя вон какой говорун прожорливый.

Я благодарила их всех. Аж слёзы на глаза навернулись. До чего же они добрые, внимательные и отзывчивые. Смекнули ведь, что по другой дороге идти собралась и вещей нужных не пожалели.

Когда утром прошли через охрану на воротах в городок, я была удивлена, что меня просто спросили имя и фамилию. Дополнительным вопросом стало место рождения.

Так и хотелось сказать: «Илья я, сын Ивана, родом из Муром». Но пришлось назвать деревню Иста, где жили родители. Хорошо, что с целью визита не пристали. Меня пропустили, не взяв плату «за такую пигалицу» и посоветовав в столицу не соваться без богатых сопровождающих.

А мне туда и не надо. И пусть о погони даже речи не шло

– кто в здравом уме побежит за ненужной никому девкой? Я старалась идти не в ту сторону, где меня могут найти и вернуть обратно.

- Я и здесь только провизию в дорогу собрать. – Ответила стражникам. – И в пригородах Манча есть где найти работу. Не только же в городе господам прислуживать!

- Ишь ты, господам! – Расхохотался один из них, взявшись за живот и потряхивая густой рыжей бородой, спускавшейся до пуза. А синие глаза его ох как блестели из-под кустистых бровей. – Беги уже, очередь задерживаешь.

Наскоро прикупив на рынке крупу и сухари, вяленое мясо и твердый сыр, я на оставшиеся две медяшки купила для Гошика кивар – местный фрукт в твердой кожуре, но сладкий внутри и мягкий, как авокадо. Для переноски самое то. Разжилась солью, местным чаем и огнекамнем. Этот минерал добывали повсеместно, и он заменял спички, начиная тлеть, если хорошенько потереть его в руках. А, отдав всё своё тепло разгорающемуся костру, затухал и на огонь уже не реагировал.

Я видела такой у Бранка, а мелкий доставала из кармана передника Нисса, когда ставили костры для приготовления каши и похлебок. Тогда и расспросила о его свойствах. На меня смотрели с недоумением, а Гошик знатно, со шлепком, приложил к своей мордочке лапу, закатывая глаза.

- Ни разу папка с мамкой не давали даже посмотреть, не то, что поддержать. – Призналась я в том, что только что по-

думала. В доме, из которого я сбежала, я просто подкинула в печку хворост, так как там шаили ещё угольки. А уж как мачеха растапливала её, я вправду ни разу и не видела.

- Как же они пустили тебя одну в дальнюю дорогу? – Всплеснула она. Именно тогда она и взяла надо мной опеку. А я и рада была. Душевность и сочувствие, как и милосердие – редкий дар в моём прошлом мире. Многие сдержать себя не могут, лишь бы вставить шпильку и позлорадствовать чужим ошибкам или горю, назидательно поднимая взгляд и как бы говоря всем вокруг, что такое с ними точно никогда бы не случилось. Только вот, не всегда у них получается нос высоко задирать, ведь за белой полосой всегда идет черная. А уж как в ответ поступит тот, кого высмеяли в трудный час – дело десятое.

К полудню я уже была готова отправиться в путь. Гошик помог мне найти караван, отбывающий в сторону города Огдагаст в северных землях королевства Лунара. Их путь лежал как раз через городки Киур, Фальвеллу и, последним пунктом в Империи Прадис для нас был Саудин. Товары купцы уже распродали, а сейчас закупались тем, чего нет в их королевстве, чтобы не ехать с пустыми руками, а наварить ещё. Нас, не без скепсиса, взяли с собой после рекламы моих способностей к готовке. Но пообещали выбросить в пути, если приготовленное окажется помоями, а я мелкой лгуньей.

Именно там, по пути к от Киура к Фальвелле, у Гошика случился первый приступ. Утром, когда охрана проснулась

от солнечных лучей, бьющих в глаза, в сонном лагере раздалась тревога. Двоих охранников, что должны были дежурить к рассвету, увели к главному на разбирательство, а перед нами открылась ужасная картина: в лагере всё было перевернуто вверх дном. Повсюду валялись раскиданные вещи, и часть из них свисала и была в бочках с водой вперемешку с фруктами и овощами. Мешки с продуктами оказались развязаны и содержимое их рассыпано.

Даже по товарам, тщательно прикрытым и перевязанным, словно ураган прошелся. Я, пару минут простояв в ступоре, дернулась помогать собирать всё, что уцелело в этом шабаше лесной нечисти. Иначе и не скажешь. Кто ещё мог так дико порезвиться ночью, да еще чтобы ни одна душа не проснулась?

Я понесла к ручью изгвазданные в земле и грязи, котлы и уцелевшую посуду. И там увидела Гошика во вселенской печали. Вид его был подозрительно не весел, а поникшее тельце и опущенный нос свидетельствовали о грандиозном масштабе постигшего его горя.

- Что случилось, Гошик? – Ласково спросила я его, погладив по голове и почесав за ухом. Да, правил обращения с енотами я не знала, и трепала его, как обычного щенка. И, через раз он не возражал, а в остальное время скидывал ладонь, обзывал глупой женщиной и отрицал свою связь с животным миром.

- Это я во всём виноват! Думал, отпустило, наконец, ко-

гда тебя нашёл. Ведь ни разу! Понимаешь? – Он поднял на меня, полные слёз, глаза. Крупные капли скатились вниз по мокрой шерсти и затерялись в траве.

Я категорически ничего не понимала. В чем он виноват? В том, что охрана уснула? Енот же продолжил свои стелания, схватив лапками собственные уши, он начал тянуть их в разные стороны, словно пытаясь оторвать сию же секунду. Освободила шерстяные треугольники из цепких лапок, снова погладив его по голове, но он ею мотнул, ударив себя лапой по морде. И ещё раз. Пока я не остановила это самоистязание.

- Я с лагерем это сотворил! То есть не я! – Он на секунду замер, и продолжил гундосить с забитым мокрым носом. – Вернее это я, но как бы и не я!

- Совсем запуталась. – Ответила ему, стараясь ничем не навлечь на себя гнев. – Расскажи, пожалуйста, подробнее.

- Это звериная сущность виновата. – Он сжался весь, пытаясь, видимо, слиться от признания с травой. – Днем, когда я бодрствую, она спит, а ночью, когда я над ней не властен, вытворяет всё, что ей вздумается. Вон, какой погром учинила в лагере!

Теперь все встало на свои места. На нас не нападали и мужчины, что уснули огребут проблем зря. Хотя нет, не зря. Если они позволили себе уснуть, да ещё так крепко, о какой защите каравана может идти речь?

- Не переживай. Я видела остатки еды, их хватит до при-

езда в Фальвеллу. — Я, как могла, пыталась его сейчас успокоить. — Если ты лунатишь, значит перед сном буду привязывать тебя к себе.

- Если только цепью пристегнешь. — Всхлипывая и немного успокоившись, ответил он. — Он верёвки перегрызёт. И снова нагадит вокруг.

- Не волнуйся. Умывайся давай и хорошенько нос промой, чтобы соплям на весь лагерь не сверкать.— Я перевела тему, стараясь отвлечь его от тяжких дум. - А то ещё подумают, что ты заболел, и выставят нас.

Так я обнаружила тёмную сторону этого уникального фамильяра. И она ещё не раз себя проявляла, изгаляясь над нашими способами её усмирить. Спасала 7Jd0i4n0 раздобытая в Фальвелле тонкая цепь и ошейник с замочком. Пришлось расстаться с ремнём и ножом, который я с себя не снимала с момента ухода из дома. Но к Гошику я успела прикипеть всем сердцем, проникнувшись его проблемой, а к ножу нет.

Через четыре дня нас, уставших и измотанных дорогой, гордо встречал оплот странников недалеко от границы с королевством Лунара — довольно большой приграничный город Саудин.

Я, прыгнув с повозки, помогла Гошику спуститься на пропыленную брусчатку и тепло попрощалась с провожатыми. Зачем Гошик настаивал сюда податься, выбрав для обустройства именно этот город, мне ещё предстояло узнать.

А сейчас я, ведомая его тёмной макушкой, шла вперёд,

навстречу своей новой и весьма примечательной жизни...

Дорогие друзья и читатели!

На этом моменте история Ириды вовсе не заканчивается, а только начинается. Спасибо всем, кто читал и не считал зазорным оставить свою благодарность и вопросы в комментариях. Отдельно благодарю тех, кто зажег звёзды для этой истории. Мне очень приятны ваши эмоции и отзывы - муз ими питается и вдохновляет меня на подвиги ради новых прочтений!

Сегодня я подаю заявку на подписку и... До скорой встречи в этой истории, по ту сторону подписки :)

Глава 4

В отличие от пропылённых караванами и странствующими гостями соседних стран, городков Киура и Фальвеллы, город нашего прибытия - Саудин, был большим и ярким. И он уж точно разительно выделялся своим свежим видом, словно показывая зарубежным гос

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.